

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

Ф.В. ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ

Полемиические заметки политолога об экономике, политике и демографии

Автор скептически относится к экономикоцентричному восприятию мира. В качестве иллюстрации негативного влияния такой позиции на выводы специалистов приводится демография, слишком часто понимаемая теми, кто ею занимается, чересчур узко.

Ключевые слова: экономика, демография, экономоцентризм, политика.

The author skeptical about the economy-centric perception of the world. Demography is used to illustrate the negative impact of such a position on the findings of specialists, very often demography is used by too narrowly by those who deal with it.

Keywords: economy, demography, economy-centric perception, policy.

Системный мировой кризис выявил глубокие изъяны не только мировоззрения и практики экономоцентризма, но и экономической науки. Выяснилось, что она, в лучшем случае, да и то далеко не всегда [May, 2009, с. 167], умеет находить консенсус относительно прошлых событий. Однако нет надежных инструментов, позволяющих экономической науке достоверно прогнозировать развитие ситуации в рассматриваемой ею сфере общественной жизни.

Фактически экономист, пытаясь нарисовать интересующую его перспективу, не идет дальше экстраполяции в будущее с некоторой модификацией известных ему на сегодня процессов, то есть исходит из априорного постулата их линейной детерминированности, что противоречит современным научным требованиям.

Наиболее выразительно это продемонстрировали авторитетные эксперты, обнаружив полную неспособность реалистично оценить *краткосрочную* динамику цен на нефть (известно – и Е. Гайдар недаром настойчиво на это указывал, – что долгосрочные прикидки тут – вещь неблагодарная). Одни из экспертов в сентябре 2008 г. были убеждены, что она уже никогда не упадет ниже 100 долл. за баррель¹, а чуть позже – что она будет стоить ниже 30 долл. уже в январе 2009 г. От других было невозможно добиться ничего, кроме общего тезиса: спад производства провоцирует сокращение спроса на сырье и, следовательно, падение цен на него, а рост действует в обратном направлении.

Ограниченность последнего суждения особенно досадна. Не только потому, что его суть справедлива для любого необходимого индустрии первичного продукта. Намного

¹ Данные Е. Гайдара, со ссылкой на аналитику МВФ, прозвучавшие в его докладе 31 марта 2009 г.

хуже, что для столь “мудрого” наблюдения вообще не требуется никакой науки. Достаточно бытового здравого смысла. Все это знали не только до А. Смита и Д. Риккардо, но и до Аристотеля, которые, каждый в свое время, лишь зафиксировали самоочевидное.

Не лучше обстоит дело и с расширительным применением теории рационального выбора. Она бесполезна для розницы, где основным покупателем выступает женщина, активно руководствующаяся совсем иными мотивами, среди которых самое почетное место отдано прежде всего интуиции и вкусовым предпочтениям. А также для рынка ценных бумаг, о недостаточности рациональных методов описания поведения на котором было известно уже Н. Винеру.

Наконец, математические модели, используемые в экономике, из-за неизбежного при выведении формул многократного агрегирования данных не учитывают массу факторов, которые считаются тем или иным автором несущественными для поставленных им целей. Беда в том, что в общественной сфере, к которой относится экономика, если говорить о действительности, а не об абстракциях, второстепенных деталей вообще не бывает. Поэтому выводы экономистов страдают избыточной условностью, что резко снижает степень их надежности и прикладного значения.

Еще проблемнее положение с увлечением экономико-математическими методами. Сами их поклонники нередко весьма скептически относятся к практической ценности своих теоретических построений (см., например, [Энтоу, 2009, с. 26]). А после того, как жизнь полностью опрокинула честно разработанные тремя нобелевскими лауреатами корректные математические теории функционирования деривативов, не уловившие негативных последствий их обращения как для их эмитентов, так и для финансовой системы в целом, закрадывается мысль, что такие конструкции представляют собой чистую игру ума и имеют весьма отдаленное отношение к реальности.

Аналогичная ситуация складывается с демографическими исследованиями. Строго говоря, тут требуется одна принципиальная оговорка, а именно: в мире сейчас представлены два понимания данной сферы знания. Согласно узкому подходу, демография есть наука, которая при помощи математического инструментария изучает население и процессы изменения его численности в страновом, региональном или планетарном масштабе. Согласно же широкому взгляду на проблему, демография призвана изучать также социальный, биологический, культурный, гуманитарный, психологический и прочие аспекты и контексты этих процессов, иметь междисциплинарный характер, охватывая экономику, социологию, географию, антропологию и даже философию, а также политические и международные языки.

Что касается России, то в ней представлено, главным образом, узкое отношение к демографии. Поэтому, на мой взгляд, работы отечественных демографов также не вышли из зародышевой стадии описательности. Они ограничиваются констатацией тех или иных текущих тенденций, а затем просто экстраполируют их. Например, если в течение ряда десятилетий в развитых странах наблюдается сокращение рождаемости, считается, что так будет всегда. Именно такую, зауженную до невозможности, манеру рассуждений я буду ниже критиковать.

То, что по историческим меркам 50–60 лет – не срок, не повод и тем более не причина для серьезных выводов, почему-то не принимается в расчет, как и то, что давно известно, все в живом мире развивается в соответствии с принципом прилива и отлива: сокращение периодически сменяется расширением, и наоборот. Такие ритмы присущи и обществу: как человечеству в целом, так и его отдельным (национальным и цивилизационным) сегментам.

Следовательно, нельзя, как минимум, исключать вероятность того, что через какое-то время демографические показатели у нынешних лидеров их роста упадут, а у аутсайдеров, напротив, – существенно вырастут. Кроме того, параметр уровня жизни, действие которого мы исследуем пока на слишком узком хронологическом отрезке, вполне может оказаться далеко не главным. Или, по мере развития высоких технологий и их проникновения во все новые области деятельности, ресурс миграционного замещения на рынке труда развитых стран (при том, что само число занятых в них заметно не упадет) радикально свернется.

Однако неотвратимость физического вымирания условного “Запада” признается *a priori*. Хотя примеры Израйла и Франции делают подобное – и изначально слишком рискованное – допущение несостоятельным, любые попытки всего лишь поставить вопрос об альтернативных сценариях и возможных условиях их осуществления до сих пор считаются уделом дилетантов, граничащим с неприличием. А ведь как раз однобокий детерминизм не имеет ничего общего с наукой. Он присущ, скорее, архаичным верованиям, а современное мировоззрение, в том числе религиозное, его давно преодолело.

Кроме того, обреченность противоречит не только духу знания (поиск и уныние суть антиподы), но и азбуке науки, требующей находить тем более нетривиальные решения, чем более тяжелой представляется рассматриваемая проблема. В конечном же счете пессимизм несовместим с самой логикой научного прогресса.

Математические модели, применяемые в демографических расчетах, так же несовершенны, как и в экономике. Поэтому и статические, и динамические их варианты, в силу (у каждого своих) ограничений многого не объясняют и представляют более абстрактный (в лучшем случае, сугубо академический), нежели прагматичный интерес. К тому же у демографов нет оригинальной теоретической базы, методики заимствованы из физики и математики, распространяются на новый и требующий особой деликатности материал часто чересчур прямолинейно. В этой области единственная теория, имеющая полное право так называться, принадлежит физика С. Капице [Капица, 2005], но и она, за исключением чисто физико-математических вычислений, не дает ответа на вопрос, почему, достигнув порога в 10–12 млрд человек, численность населения Земли вдруг перестанет расти, и как это будет выглядеть на практике. Если по аналогии вспомнить, как разошлась с реальностью та же теория деривативов, то резонно задуматься над жизнеспособностью и данных выкладок.

Вдобавок демографы явно (забывая, что, например, в нынешней физике даже энергия механизмов влияет на результат замеров, а личность – более сложно организованная структура) грешат абсолютизацией объективности наблюдений. Они не учитывают, что доступный человеку образ мира есть не нечто от нас не зависящее, но результат его интерпретации нашим сознанием. Значит, когда речь идет об окружающей среде, мы оперируем не первичными, а вторичными, преломленными и во многом сформированными нами самими смыслами. Раз так, надо быть осторожнее, приводя в качестве главного аргумента “демографические закономерности”, которые из-за их “объективности” якобы невозможно изменить. Они могут быть не более, чем промежуточным итогом размышлений конкретных, весьма субъективных авторов, а потому их не надо демонизировать, искусственно придавая им статус непререкаемости.

Если сосредоточиться только на одном из важнейших аспектов демографической проблемы “золотого миллиарда” – рождаемости, станет еще более понятно, зачем столько внимания вначале было уделено экономике. Демографическая дискуссия, например, в нашей стране экономоцентрична, будто для разрешения всех проблем повышения рождаемости в России заведомо достаточно финансовых, жилищных и т.п. стимулов. Между тем материальные меры здесь недостаточны. Они, в самом деле, эффективны, особенно в странах с высокой и доступной социальной защитой (Франции, Швеции, Германии и др.), но лишь при прочих равных условиях. Хорошее жилье и достаток сами по себе ничего в плане многодетности семей не гарантируют. Более того, если суперцелью считается постоянное расширение личного потребления, то дети мешают этому.

С одной стороны, падение рождаемости, например в СССР, совпало с расселением коммуналок: улучшение жилищных условий благодаря сначала “хрущевкам”, а потом и более комфортным квартирам оказалось в противофазе с падением рождаемости. Поэтому материнский капитал и квартиры для молодых семей через социальную ипотеку и т.д. – конечно, хорошо, но мало. С другой стороны, распространение в западных обществах гипериндивидуализма и гедонизма, даже в сочетании с трудоголизмом, высокими доходами и всем социальным обеспечением, привело к тому, что там увеличилось число ранних смертей (я говорю сейчас не о продолжительности жизни).

Поскольку столь разные обстоятельства (дефицит в Советском Союзе и избыток в равными возможностями на Западе) произвели одинаковые последствия, то, если ста-

вить перед собой задачу выправления ситуации (а ничего необратимого в социальном пространстве не существует – даже погибшие культуры, в отличие от индивидуумов, к нам возвращаются), надо шире взглянуть на источники позитивного влияния на самовоспроизводство развитых обществ.

Беспристрастно посмотрев на эту проблему, можно увидеть, что демографию Запада, вопреки расхожему мнению, угнетают не уровень и качество жизни (они же не помешали жене М. Гибсона родить *восемь* детей), а всепроникающий утилитаризм и идущий от первых французских социалистов-практиков (учеников А. Сен-Симона и инженеров по образованию) технологический подход к обществу и механистический – к человеку. То есть, во-первых, не экономика потребления, но *общество потребления*. Дети, как известно, рождаются не от секса, а от любви. Первый легко обходится без них, а вот вторая без них никак не может. Когда мужчины и женщины относятся друг к другу утилитарно, они заменяют любовь сексом. Коли они *потребляют друг друга*, им не до детей. Во-вторых, если более столетия, как это делали материалисты-социалисты всех мастей в Европе и Америке, вдалбливать человеку, что он – всего лишь совершенная машина и управлять им надо так же, то странно ожидать от него стремления к деторождению. Люди, поверив, что они всего лишь вид биороботов, перестали рожать, ибо, вопреки К. Марксу, сознание так определяет бытие, а не наоборот, а механизмы самостоятельно не размножаются.

Немалая роль в повышении рождаемости принадлежит преодолению эконоцентризма, то есть такого положения, в котором экономическая деятельность из инструмента обеспечения частных и общественных нужд превратилась в самодовлеющую сущность: недаром все чаще приходится слышать: “экономика требует то-то и то-то”, “экономика диктует” и т.д., будто она есть некая, абсолютно не зависящая от нас сила. Малодетная семья – прямое следствие эконоцентричного мировоззрения и, можно уже говорить, психологии: если человек воспринимает экономику как высшую по отношению к нему и, следовательно, непреодолимую силу, то он тем самым настраивает себя на ограничение своего воспроизводства в потомках. Ведь одинокий индивид, лишенный широкой корневой системы родственных связей, более социально пластичен, а значит, более удобен бизнесу и управлению, экономике в целом, чем сплоченный коллектив дружных родственников.

И коли многие уже привыкли воспринимать любые сигналы экономики как приказы, подлежащие исполнению без обсуждения, неудивительно, что они психологически настраиваются на малодетность. Так как связь психологии с деторождением вообще намного глубже, чем обычно представляется демографам, то возвращение в массовое сознание развитых обществ понимания, что в мире нет ничего (а тем более, если это, как экономика, относится к разряду рукотворных вещей) раз и навсегда предопределенного, способно внести весомый вклад в увеличение рождений в странах христианской культуры. В конце концов, когда в наше время такое большое значение придается социализации человека, очевидно, что ее начальная стадия намного успешнее проходит в многодетных семьях, чем в малодетных. Кроме всего прочего, солипсизм, выросший единственным ненаглядным дитятей, привыкшим, что весь мир крутится вокруг него одного, остается инфантильным, как правило, до конца своих дней, меньше расположен к тому, чтобы признавать чьи-либо интересы, кроме своих собственных, и тем самым создавать прочную семью и растить детей.

Перейдя от персональной к коллективной психологии, нельзя не заметить, что она также обладает колоссальным, но малоиспользуемым резервом влияния на демографические процессы. Например, в Израиле сама общественная атмосфера стимулирует рождаемость: иметь более двух детей считается главным признаком успешности [Файтельсон, 2007]. Это настолько престижно, что даже репатрианты из Западной Европы и Америки, выросшие там в семьях с одним ребенком, следуют стратегии деторождения своей новой родины.

Да и вообще любой здоровый человек (и женщина, и мужчина) психологически, на мой взгляд, предрасположен к многочисленной семье, и поддержка общественного мнения (недаром белые французки уже преодолели порог простого воспроизвод-

ства, а Германия вплотную подошла к нему) здесь не менее важна, чем социальные программы². Среди медицинских факторов далеко не последнее место занимает профессиональный настрой врачей-гинекологов, работающих в женских консультациях.

Позитивному решению демографических проблем препятствует школа. Не секрет, что здесь во многом закладываются столь важные для позитивного демографического тренда основы доверия как между людьми вообще, так и, главное, между полами.

Нельзя недооценить и воспитательную роль социума, складывающегося в школе и призванного способствовать формированию вдохновляющего образа женщины-матери как у девочек, так и – что особенно важно – у мальчиков. Пока этот ресурс у нас совершенно не используется, напротив, реальность нередко дает отрицательные примеры.

Свою лепту в усугубление негативных демографических тенденций вносят неполные семьи, издержки агрессивного феминизма и чрезмерная трудовая нагрузка, возложенная на женщин. Единственный родитель чаще всего закладывает в психологию своего отпрыска неправильную жизненную стратегию. Радикальная феминистка (“мужик в юбке”), ставшая модной в последние десятилетия, недостаточно мотивирует “рядовых” гетеросексуалов на примитивные сексуальные отношения, не предполагающие обременения себя потомством.

Слишком большая загруженность матерей работой довольно просто, как ни странно, решается экономически. В свое время женщины восполнили недостачу мужчин на рынке труда в условиях стремительного расширения промышленного производства. Постиндустриальной экономике требуется кардинально меньше работающих. Следовательно, если мужчинам будут больше платить, большинство женщин смогут позволить себе не работать. Тем же, кому это жизненно необходимо, доступен стремительно растущий, с учетом распространения компьютерных технологий и Интернета, сектор надомной занятости.

Колоссальную роль в росте деторождения может сыграть возрождение религиозного сознания. Вера без фанатизма воспитывает в человеке ответственность и формирует у него светлое, позитивное отношение к жизни. Многодетность верующих людей есть следствие того, что им дано понимание: дети – радость, счастье и божье благословение.

Наконец, в современном массовом сознании и психологии надо преодолеть извращенные представления о зависимости численности детей от уровня доходов и карьеры родителей. Значительная их часть привнесена демографами и СМИ. По традиции, идущей еще из советского времени, наши демографические исследования продолжают рисовать якобы однозначную связь: много детей – низкий уровень достатка. Почему так было в СССР, где была угнетена экономическая свобода, понятно. В последнее время появилось множество примеров, когда многодетные семьи не просто живут в достатке, а богаты. Стало ясно, что бедность – следствие не многодетности, а пассивности. Однако “специалисты” почему-то игнорируют очевидное: по-видимому, сказывается косность их собственного мышления. А средства массовой информации не спешат пропагандировать положительный опыт.

Если дети мешают карьере матери (не говоря об отце), видимо, она неправильно ее выбрала. И ей надо менять карьеру, а не отказываться от рождения детей. Миллионы случаев в развитых странах доказывают, что даже самые суетные профессии – политика, актрисы и бизнесмена – не препятствуют рождению детей, если человек занят по-настоящему *своим* делом. Приведу наиболее яркие примеры. Выходцы из среднего класса, например, во Франции, выросли до лидера крупнейшей партии и кандидата в президенты (С. Руаяль, четверо детей в *гражданском* браке), в США – до спикера палаты представителей (Н. Пилосси, пятеро детей). Из звезд упомяну А. Джоли, да и нашу Валерию. Многодетны самые богатые деловые женщины Израиля.

² Данные Независимого института социальной политики были представлены на конференции, посвященной десятилетию Института демографии ГУ-ВШЭ, прошедшей в ноябре 2008 г.

Дети стимулируют развитие родителей, заставляют их расти духовно и интеллектуально. Отец при рождении нового ребенка ищет больше возможностей увеличить заработок, продвигаться в своей профессии.

В завершение снова несколько слов об экономике и политике. Правительство России, наконец, взялось за развитие транспортной инфраструктуры, причем не только радиальной (от периферии в крупные города), но и рокадной. Это направление следует приветствовать, поскольку оно содействует как удержанию территории, так и, создавая новые рабочие места в провинции и помогая гражданам свободно перемещаться между соседними населенными пунктами, закреплению их в естественной среде обитания вне мегаполисов. Это открывает новые возможности для общения и, следовательно, для формирования семей и рождения большого здорового потомства.

Президент Д. Медведев видит будущую Россию примерной демократической страной. Значит, требуется работать на демографический рост, поскольку исторический опыт доказывает: демократия в разных ее проявлениях неизбежна лишь в многочисленных коллективах, малые нации всегда и везде вполне успешно управляются авторитарно. Если власти всерьез хотят в России демографического роста, они обязаны взрастить демократию. И наоборот, если они настроены на демократию, надо “умножить народ”. Если нас будет много, демократии нам не избежать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Катица С.П. Общая теория населения Земли. М., 2005.

Мау В.А. Особенности, причины и возможные последствия текущего экономического кризиса // Финансовый кризис в России и мире. М., 2009.

Файтельсон Я. Ослабляя, усиливать // Вестник Еврейского агентства в России. 2007. № 3.

Энтов Р.М. Некоторые проблемы исследования деловых циклов // Финансовый кризис в России и мире. М., 2009.

© Ф. Шелов-Коведяев, 2010